

менный язык современной молодежи стремится к междометности, становится более визуализованным и менее выразительным, использование одних и тех же «смайлов» разными собеседниками стирает индивидуальность. Так же высказывания становятся менее информативными, укорачиваются. Что характерно, такая проблема встречается не только в чатах, отображающих разговорную речь, но и во многих Интернет-дневниках, которые должны писаться литературным языком.

К тому же многие молодые люди сознательно избегают использования нормативного языка, намеренно допуская орфографические ошибки (так называемый «Албанский» язык), пытаясь выделиться таким образом, оппозиционировать себя. Они отгораживаются от литературного языка, а следовательно и от накопленной веками в этом языке «народной мудрости». Мало того, что они отталкивают от себя литературу, созданную на этом языке, литературу, содержащую в себе опыт предшествующих поколений. Они еще и делают недоступным для себя когнитивный, то есть глубинно-познавательный уровень языка, вместе с искаженным или неправильно используемым словом убивая концепт, стирая содержащуюся в нём скрытую информацию, лишают слово его символического содержания.

Ребенок начинает познавать мир именно через язык. В младенчестве

он не видит ничего дальше своей комнаты, но уже знает многое об окружающем его мире со слов родителей. Вместе с языком он впитывает в себя мудрость предков, осознает и принимает их картину мира. Именно благодаря образности слов, их внутренней форме и концептуальной информации, содержащейся в них, ребенок принимает основные нравственные и моральные ценности. А также, благодаря владению языком, осознаёт себя частью своего народа.

Язык – это не только средство общения, но и основное средство познания. И если матери начнут общаться со своими детьми, так сказать «при помощи смайликов», они лишат их всей мудрости, веками накапливаемой их предками, оторвут их от корней и разъединят с народом.

Человек не только говорит на родном языке, прежде всего – он на нем думает. И чем полнее языковые возможности, тем богаче воображение, свободнее ум, лучше память. Чем больше человек может сказать – тем больше он в состоянии познать, представить, создать...

Никогда не стоит забывать о том, что язык создан не для того, чтобы общаться с продавцами в магазине, а для того, чтобы отличить человека от животного, дать ему уникальную возможность не просто обмениваться простейшими сигналами и командами, а самовыражаться, мыслить и творить при помощи речи...

Виль ХРИПУНОВ

(г. Новосибирск)

А ПОЧЕМУ БЫ И НЕТ?

ИЛИ СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

«СВОБОДНОГО СТИХА»

(тезисы)

Тема свободного стихосложения не была обделена вниманием известных исследователей. Начало ее изучению было положено в 1909 г. поэтами-символистами А. Белым и В. А. Брюсовым. Позже к данной проблеме обращались Б. М. Эйхенбаум, В. В. Шкловский, Ю. Н. Тынянов, Б. В. Томашевский, С. М. Бонди, Г. А. Шенгелия, Ю. М. Лотман, М. А. Гаспаров и др. Это нельзя считать случайностью, ибо обращение к форме свободного стиха существенно расширяет поэтические возможности автора.

Тезисы есть тезисы. Тезисное изложение позволяет автору следовать от известного к неизвестному или требующему теоретической определенности, лишь фиксируя внимание читателя на чем-то существенном в области уже известного. Вместе с тем, оно позволяет читателю сосредоточиться на проблемах не в полной мере ясных, требующих корреляции и трактовки сложности и условностей, непонятных практическому участнику процесса освоения премудростей свободного стиха.

Итак, тезисы:

Первый: «Поэзия относится к тем видам искусства, сущность которых не до конца ясна науке»¹. А почему бы и нет?

Второй: Исторически первичной художественной речью была поэзия, а не проза. «Художественная проза, – отмечал Ю. М. Лотман, – возникла на фоне определенной поэтической системы как ее отрицание»². Да, это так. А почему бы и нет?

Именно эти положения позволяют нам рассматривать проблему границ поэзии и прозы как исходную для выяснения эстетической природы пограничных форм типа свободного стиха или vers libre. Обилие пограничных форм в творческом потоке вынуждает исследователей сделать заключение о трудности, или даже невозможности, определить границу между поэзией и прозой³.

Как ни странно, но все сказанное породило своего рода сумятицу, а порою и бессмысленные по своей сути споры о том, какой текст предлагается автором читателю: поэтический или прозаический.

Для самого произведения это, в общем-то, не столь уж и важно. Но если говорить о системе отношений внутри художественных структур или о необходимости и возможности упорядочения при их оценке, то это не может не поставить вопроса об уточ-

¹ Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. – СПб: Искусство, 1996. – С. 1.

² Там же, с. 13.

³ Там же, с. 13-14.

Редакторы:

Владимир КУЗНЕЦОВ
Марина НОЗДРЮХИНА

Литературный консультант Виль ХРИПУНОВ

Адрес для писем:

630082 г. Новосибирск а/я 236
Созыкиной Т. А.

(маркированный конверт – для быстрого ответа)

нении с исследовательской точки зрения проблемы типологизации пограничных форм поэзии и прозы.

Третий: Известно, что творческий процесс непредсказуем. Это так. А почему бы и нет? Стало быть, таковым является и творческий результат. Кроме того, очевидно, что каждая литературная эпоха стремится к созданию собственных оригинальных поэтических форм, выходящих за рамки уже известных.

В этом плане существенными являются рассуждения В. Ф. Огнева, приправленные известной долей иронии: «Над разницей между стихом и прозой бился не только молиеровский Журден. Теоретики до сих пор ломают копья в поисках точных определений различия. И это, кстати, не так-то просто – найти решение. Во всяком случае, можно считать доказанным, что стих отличается от прозы не рифмой, не образностью, не ритмом, а скорее всего особым соотношением слов между собой, соотношением, напоминающим плотный ряд людей, взявшихся за руки, чтобы удержать напор толпы, стоящей сзади. Все остальные специфические для поэзии качества вытекают отсюда»⁴.

К сожалению, заложником описанной ситуации продолжает оставаться свободный стих. По этому поводу написано не мало, но точку, как уже было сказано, в рассмотрении данной проблемы ставить еще рано. До сих пор не в теории, а на практике не понятны сущностные признаки пограничных стиховых форм.

Нам представляется необходимым, прежде всего, отказаться от понятия условности: данная художественная форма относится или к поэзии, или – к прозе. Необходима теоретическая разработка свободного стиха. В этом нуждаются, прежде всего, начинающие авторы и сопровождающие их в творческом

поиске педагога, не всегда обладающие в достаточной мере собственным творческим и аналитическим опытом в области художественного слова. Им порою трудно преодолеть невольное оцепенение, которое возникает, когда в тексте теоретическом или методической разработки встречается выражение типа «условно стиховая форма» – нелепость какая-то!

Четвертый: Многообразие литературных форм, имеющих тенденцию к росту, – явление нормальное, исторически закономерное. «Многообразие, – пишет В. Ф. Огнев, – состояние постоянное, но **исторически неоднородное** (*курсив автора* – В. Х.). Индивидуальности, течения, как небесные тела одной галактики, то сближаются, то отдаляются друг от друга. Индивидуальность живет и по-разному подсвеченная временем в его особом контексте»⁵.

Данный тезис следует рассматривать как указывающий на сложность и необходимость решения проблемы пограничных стиховых форм.

Пятый: Надо навести «порядок» в типологии пограничных стиховых форм. М. А. Гаспаров увидел логику решения проблемы в *упорядочении* границ между прозой и поэзией. Что это означает? Прежде всего, следует сделать границы твердыми, резко различимыми и рассматривать стих и прозу «как два полюса, два центра тяготения», вокруг которых расположились исторически сложившиеся реальные факты, когда «законно говорить о более или менее прозрачных, более или менее стихотворных явлениях» (Б. В. Томашевский).

Проще говоря, если в классическом стихе роль «звуковой и смысловой отбивки» берут на себя метр, размер, ритм, рифма, интонация, речевой

такт, наконец, то в свободном стихе стиховую принадлежность текста определяет графическое построение, осуществляемое автором. Этим, собственно, и занимаются все авторы, обротившиеся к форме свободного стиха. Им необходимо посредством графического построения выделить два безусловных стиховых признака: 1) организацию стиха, определенную М. А. Гаспаровым как «рубленая проза», которая и выражает заданную расчлененность текста; 2) свободные от правильности ритм и рифму. По сути, это и будет определением свободного стиха.

Поэтическое многообразие форм, особенно пограничной сферы прозы и поэзии, – результат естественного развития художественной литературы. Для сравнения: мы же не удивляемся разнообразию биологических видов и не отрицаем существование животных, приспособленных, скажем, к обитанию в разных средах (например, земноводные). Понимание и принятие многообразия и неоднозначности как объективного факта спасает нас от упрощенного взгляда на мир.

Многообразие поэтических форм практически бесконечно. И чтобы в нем разобраться (особенно в системе «нерифмующихся стихотворных форм»), необходимо обратиться к специфике графического построения произведения, с помощью которого автор, самостоятельно определяя длину строк, придает тексту статус поэзии или прозы. При этом свободный стих будет отличаться от прозы прежде всего заданной расчлененностью на строки. Кроме того, М. А. Гаспаров напоминает о том, что свободный стих нельзя путать с вольным стихом, признаками которого являются прежде всего *разностопная нерегулируемость и обычная рифмованность*.

Таким образом, принадлежность художественного текста к поэзии или прозе определяется самим автором при помощи его [текста] графического построения.

В качестве дополнения обратимся к определению свободного стиха, данному в «Краткой литературной энциклопедии» (М., 1971, т. 6., с. 710): «Свободный стих (верлибр) – это термин, определяющий широкий и не достаточно ясный круг явлений в стихосложении XX в.: основными признаками всех типов свободного стиха является членение на строки, графически расположенные как стихотворные, и их ритмико-звуковая соотнесенность. Сочетание этих двух моментов позволяет разграничить свободный стих и прозаические жанры. С другой стороны, намечается дифференциация между верлибром и строгими стихотворными формами <...> В верлибре обычно дается установка на непериодическую и ничем не ограниченную смену мер повтора...»

Данное определение при ответе на вопрос «является ли написанный текст свободным стихом прозой или поэзией» отводит ведущую роль именно автору. А почему бы и нет?

Марина НОЗДРЮХИНА

(г. Новосибирск)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК – СЕГОДНЯ

(Коротко о большой проблеме)

В современном обществе литературный язык утрачивает привычные для нас классические формы. Достаточно посмотреть, допустим, на речь в Интернет-чатах. Большинство молодых (и не только) людей общается там при помощи так называемых «смайликов», а также других знаков, обозначающих действия и эмоции, но лишенных образности. Таким образом, разговорный пись-

⁴ Огнев В. Ф. Горизонты поэзии: Избранные работы в 2 т. Т. 2. – М.: Худож. литература, 1982. С. 462.

⁵ Огнев В. Ф. Горизонты поэзии: Избранные работы в 2 т. Т. 2. – М.: Худож. литература, 1982. – С. 462.